

Информация для цитирования:

Науменко О. Н. Ссылка последнего хана Хорезма Сайида Абдуллы Кунграта как отражение политики советской власти / О. Н. Науменко, У. И. Абдуллаев, Б. М. Сатимов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 419—437. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-419-437.

Naumenko, O. N., Abdullaev, V. I., Satimov, B. M. (2025). Exile of Last Khan of Khorezm, Sayyid Abdullah Qungrat: A Reflection of Soviet Authority's Policies. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 419-437. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-419-437. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Ссылка последнего хана Хорезма Сайида Абдуллы Кунграта как отражение политики советской власти

Науменко Ольга Николаевна^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4601-987X

доктор исторических наук, профессор
кафедра истории,

корреспондирующий автор

oolgann@mail.ru

Абдуллаев Уткир Исмаилович³

orcid.org/0009-0000-1156-0167

кандидат исторических наук, профессор,
кафедра истории

utkir112@mail.ru

Сатимов Баходир Манглибой угли²

orcid.org/0009-0004-5127-2898

кандидат исторических наук,
кафедра истории

bsatimov263@gmail.com

¹ Университет Мамуна
(Ургенч, Узбекистан)

² Ургенчский инновационный университет
(Ургенч, Узбекистан)

³ Ургенчский государственный
университет имени Абу Райхана Беруни
(Ургенч, Узбекистан)

Exile of Last Khan of Khorezm, Sayyid Abdullah Qungrat: A Reflection of Soviet Authority's Policies

Olga N. Naumenko^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4601-987X

Doctor of History, Professor,
Department of History,

corresponding author

oolgann@mail.ru

Utkir I. Abdullaev³

orcid.org/0009-0000-1156-0167

PhD in History, Professor,
Department of History

utkir112@mail.ru

Bahodir M. Satimov²

orcid.org/0009-0004-5127-2898

PhD in History,
Department of History

bsatimov263@gmail.com

¹ Mamun University
(Urgench, Uzbekistan)

² Urgench Innovation University
(Urgench, Uzbekistan)

³ Urgench State University
named after Abu Rayhan Beruni
(Urgench, Uzbekistan)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется история ссылки последнего хана Хорезма Сайида Абдуллы Кунграта в условиях политики советской власти по борьбе с титулованной элитой в первой половине 1920-х годов. Доказано, что в рассматриваемый период репрессии против хана и мужской части его семьи включали три этапа, проходили в нескольких регионах, предполагали разные виды наказаний, в том числе лишение свободы в концлагерях, и отразили процесс формирования советской государственной политики и правовых норм. В качестве источников привлечены документы Государственного архива Хорезмской области (Узбекистан) и Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске (Россия). Методология исследования основана на многолинейной модели модернизации П. Штомпка. Используются сравнительно-исторический и сравнительно-правовой методы исследования. Авторы приходят к выводу, что в Хорезме в начале 1920-х годов политика советской власти и действие революционного права в отношении Сайида Абдуллы Кунграта и его семьи находились под влиянием мусульманско-традиционных представлений, а применение этих норм в России зависело от комплекса факторов, включая мировоззрение и личностные качества кадрового состава служащих. Установлено, что исполнение решения о высылке Хивинского хана, принятое Хорезмской Чрезвычайной комиссией, носило хаотичный и непоследовательный характер: репрессивные меры менялись в соответствии с этапами реформирования органов госбезопасности Советской России.

Ключевые слова:

Хивинский хан; Хорезм; Туркестан; Средняя Азия; политика советской власти; концлагерь, ссылка, Сайид Абдулла.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the history of the exile of Sayyid Abdullah Qungrat, the last Khan of Khorezm, within the context of Soviet authority's policies aimed at suppressing the titled elite during the early 1920s. It is demonstrated that during this period, the repressions against the Khan and the male members of his family unfolded in three distinct phases across various regions, involving different forms of punishment, including imprisonment in concentration camps. These events reflect the evolving nature of Soviet state policy and legal norms. Primary sources include documents from the State Archive of the Khorezm Region (Uzbekistan) and the State Archive of Tyumen Region in Tobolsk (Russia). The research methodology is grounded in P. Sztomпка's multilinear model of modernization and employs comparative-historical and comparative-legal methods. The authors conclude that in Khorezm during the early 1920s, the policies of Soviet authority and the application of revolutionary law concerning Sayyid Abdullah Qungrat and his family were influenced by Muslim-traditional perceptions, while the implementation of these norms in Russia was contingent upon a complex interplay of factors, including the worldview and personal characteristics of the personnel involved. It has been established that the execution of the decision to exile the Khan of Khiva, made by the Khorezm Extraordinary Commission, was characterized by chaotic and inconsistent practices, with repressive measures fluctuating in accordance with the phases of reform within the state security apparatus of Soviet Russia.

Key words:

Khan of Khiva; Khorezm; Turkestan; Central Asia; Soviet authority policies; concentration camp; exile; Sayyid Abdullah.

Ссылка последнего хана Хорезма Сайида Абдуллы Кунграта как отражение политики советской власти

© Науменко О. Н., Абдуллаев У. И., Сатимов Б. М., 2025

1. Введение = Introduction

В настоящее время актуальной стала тема взаимоотношений народов России и Узбекистана, поэтому каждая страница их общей истории должна носить объективные оценки. Ссылка последнего Хивинского хана — один из таких сюжетов, исторический анализ которого подчеркивает значение традиции и религии в культуре Хорезма и отчасти меняет взгляд на действия отдельных сотрудников органов госбезопасности Советской России, которые, вопреки идеологии того времени, помогали высланному хану и его семье, в том числе с вопросом о возвращении на родину.

В начале февраля 1920 года под натиском революционных сил Сайид Абдулла-хан отрекся от престола и через несколько месяцев с мужской частью своей семьи был выдворен из Хорезма. На территории его бывших владений в качестве преемницы Хивинского ханства была учреждена Хорезмская Народная Советская Республика. Хан находился в украинской ссылке до смерти в 1933 году, но в тот период исследование трагических страниц его жизни было опасным и практически невозможным. В начале 1980-х годов украинский писатель Г. Д. Гусейнов познакомился с племянником хана Абдурасулом Мадияровым и записал его воспоминания. Тогда же был опубликован очерк «Как хан в шахте работал», позднее — роман «Ветер с Востока», презентованный в Ташкенте в 1921 году [В Узбекистане ..., 2021; Гусейнов, 2021]. Привлечение дополнительных источников из Государственных архивов России и Хорезмской области в сочетании с полевыми материалами, собранными авторским коллективом в Хиве, позволяет проанализировать этот исторический сюжет более полно.

Научная новизна статьи заключается: 1) в исследовании советской политики по борьбе с титулованной элитой на примере ссылки Хивинского хана; 2) в анализе неизвестных ранее источников о ссылке Сайида Абдуллы-хана и его семьи в Сибирь.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Цель исследования: рассмотреть историю ссылки последнего Хивинского хана Сайида Абдуллы Кунграта с точки зрения политики советской власти и законодательства первой половины 1920-х годов.

Поставленные задачи пока не решались в историографии; по теме исследования нет ни одной научной публикации, хотя история Хивинской революции достаточно хорошо изучена и представлена многочисленными трудами советского и постсоветского периодов в виде статей, монографий и сборников [Гордиенко, 1959; Мухамедбердыев, 1986; Непесов, 1962; Погорельский, 1984; Хамдамов, 1960; Becker, 1968; Naugen, 2003; Khalid, 2015 и др.]. Основная часть историографии относится к советскому периоду и отражает идеологию того времени, обосновывая необходимость социалистических преобразований и справедливость свержения ханской власти. Фундаментальным исследованием того времени стала монография В. И. Погорельского [Погорельский, 1973], где раздел о низложении хана и его ссылке основан на документах из Центрального партийного архива в Ташкенте. В 1984 году эта монография переиздана в дополненном варианте, а вскоре под авторством К. Б. Мухамедбердыева вышел еще один фундаментальный труд по «истории Хорезмской революции» на русском и узбекском языках [Мухамедбердыев, 1986]. Почти во всех публикациях приводится один и тот же факт об отречении хана от престола с последующей высылкой за пределы Хорезма, но дальше этого упоминания никто из исследователей не пошел.

Намного шире представлена тематика ссылки и высылки в Советской России в 1920-е годы и ее связь с дореволюционным законодательством. В целом историческая преемственность в российском праве — одна из популярных тем в современной юридической науке [Новицкая, 2017; Коняхин, 2020 и др.]. А. А. Дорская и А. Ю. Дорский пришли к выводу, что реставрация института сибирской ссылки первоначально не входила в правовые приоритеты Советской власти, и введение этих норм происходило поэтапно [Дорская и др., 2022]. Однако авторы не упоминают, что фактически сибирская ссылка существовала уже с 1920 года. Диссертация В. И. Пинкина посвящена именно этому вопросу и представляет собой фундаментальное историко-правовое исследование, где рассмотрена теория и практика применения этого вида наказания в 1920-е годы [Пинкин, 2002]. Большой пласт исследований связан с процессом формирования советской репрессивной системы в начале 1920-х годов [Смыкалин, 1997; Рыбаков, 2017; Биюшкина, 2021 и др.], но пока никто не сравнивал ее действие на примере одних тех же лиц, прошедших через репрессивные системы советских республик, разных в конфессионально-этническом отношении.

Источники исследования включают четыре группы:

Материалы Государственного архива Хорезмской области [ГАХО] и Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске [БГУТО ГАТО в г. Тобольске]. В столице Хорезма (г. Ургенч) хранятся документы Областного отделения Компартии Узбекистана и Областного комитета народного образования, в которых содержится информация о механизмах, примененных для пропаганды «антиханской» идеологии, и которые характеризуют степень готовности хорезмского общества ее принять. Тексты отличаются языковой пестротой: русский язык, староузбекский в арабской графике, арабский язык, узбекский на кириллице, каракалпакский на латинице, что свидетельствует о сложности реализации задачи политической пропаганды. Документы, хранящиеся в Тобольском архиве, позволили сопоставить практику применения административной ссылки в Сибирь в первые годы советской власти с опытом Российской империи: сроки и условия отбывания наказания, возможность досрочного возврата на родину и проч.

Полевые материалы авторов [ПМА] выявили сюжет о сибирской ссылке хана, известный в Хиве, так как изгнанники имели возможность иногда поддерживать связь с родственниками, оставшимися в Хорезме. Полученная информация позволила заполнить пробел в истории ссылки Хивинского хана, а также сопоставить имеющиеся факты с процессом реализации репрессивной политики государства. Это, в свою очередь, помогло выявить этапы ссылки хана, составив ее общую картину.

Документально-художественное произведение Г. Гусейнова «Ветер с Востока» [Гусейнов, 2021] и выдержки из него в сети Интернет [Ханы ...; и др.] и телевизионных передачах Узбекистана, с перепроверкой информации и критической оценкой.

Нормативные документы первой половины 1920-х годов, характеризующие процесс формирования политики советского государства в отношении титулованной знати: Постановление «О революционных трибуналах» 1920 года [Постановление...], Уголовный Кодекс РСФСР 1922 года [Уголовный...] и Декрет «Об административной высылке» 1922 года [Декрет...]. Их сопоставление с сюжетами из истории ссылки Хивинского хана позволило проследить этапы и результат реализации государственной политики на конкретном примере.

В основу методологии положена теория многолинейной модернизации [Штомпка, 1995], которая объясняет появление национальных форм государственного устройства под воздействием не только объективных социально-экономических факторов, но в силу волевого вмешательства в процесс трансформации. Ссылка Хивинского хана и ломка традиционных представлений о предназначении его власти являлись звеньями этого

процесса. В рамках модели модернизации реакции и поведение людей могут быть многовариантными, что выражалось в «человеческом факторе», влиявшем на судьбу хивинских изгнанников.

Среди методов исследования использованы сравнительно-исторический и сравнительно-правовой. Первый метод позволил выявить отличия в реализации советской политики в первые годы советской власти на территории разных в религиозном и культурном отношении регионов, а второй — проанализировать преемственность между имперским и советским законодательством в рассматриваемый период.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Хивинская революция и судьба хана

Сайид Абдулла-хан вступил на престол Хорезма в период революционных событий, находился там всего два года (1918—1920 годы) и под натиском революционных сил отрекся от власти 2 февраля 1920 года. В июле в Хиве с участием служителей культа начались открытые акции с призывом восстановления ханской власти. У 49-летнего Сайида Абдуллы Кунграта появился шанс вернуться на престол, однако местные революционные силы этого не допустили, и хан с ближайшими родственниками по мужской линии был арестован и выслан из Хорезма [Погорельский, 1973].

Бывшему хану и его семье сохранили жизнь, хотя в традициях Востока свержение правителя означало его казнь, а нередко — смерть всего рода по прямой мужской линии, поэтому ситуация с Сайидом Абдуллой оказалась уникальной. Однако в истории Хивинского ханства правителя впервые свергли революционеры, а не другой претендент на престол, причем в условиях, когда святость ханской власти еще сохранялась в определенных кругах местного общества. Религиозный аспект присутствовал и в политических представлениях революционных сил, в частности местных джадидов, которые первоначально стремились к модернизации хивинского социума с мусульманских позиций и не планировали свержение ханской власти [Жалменова, 2019, с. 63].

В политической сводке по Хорезму в июне 1920 года значилось: «Революция мало затронула массы и почти не коснулась провинции» [Погорельский, 1973]. Это означало, что во время свержения хана жизнь большинства населения протекала в рамках привычных религиозных установок. Несмотря на революционные события, в начале 1920-х годов ислам оставался важнейшим духовным столпом Хорезма, а он сам — одним из центров мусульманской цивилизации. В такой ментальности всегда существовала «дилемма власти», связанная с традицией и принадлежностью к роду [Будкин, 2006], а трон был основой, на которую власть давалась

Аллахом. В частности, Накиб, глава мусульманского духовенства в Хорезме, избирался не просто из сайидов — потомков сподвижников Пророка Мухаммеда [Алимова и др., с. 62], а из рода внука Пророка — Мухаммада-Хусейна ибн Али. Это обеспечивало огромный авторитет религиозной власти. Отметим, что с начала XIX века все правители на Хивинском троне также относились к сайидам.

Этот фактор, важный для верующего населения, какое-то время был защитой свергнутого хана и его семьи. В июле 1920 года революционеры расстреляли 5 человек из окружения Сайида Абдуллы-хана во время попытки вернуть ему престол [Погорельский, 1973], однако никто из его семьи не пострадал, хотя возникла возможность (и повод) избавиться от всех сразу. В 1920—1924 годах показательным было отношение советской власти Хорезма к семье свергнутого хана: отречение от трона не означало изгнание его родственников из дворца. Хотя вся собственность правителя была формально национализирована, но новая власть не сразу лишила его семью привычного жилья, обстановки, интерьеров и прислуги. Во дворце Таш-Хаули родственники Сайида Абдуллы жили еще четыре года после его высылки из Хорезма [Собрание..., 2022, с. 51].

В 1924 году закончилась Хивинская революция, прошло национально-территориальное размежевание и была учреждена Узбекская ССР; начало работать Хорезмское отделение Компартии Узбекистана, которое стремилось форсировать социальные и политические изменения [ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, лл. 100—102]. Преимущества новой власти для беднейших слоев населения еще не были заметны: хотя конфискованные земли хана и его приближенных перешли в пользование дехканства (крестьянства), но это не решило земельную проблему [Погорельский, 1973]. В 1924 году уже работало 15 светских (трудовых) школ, открылись 4 интерната и даже 1 детский сад, а из столицы СССР приходили деньги на финансирование социальных преобразований [ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, лл. 100—100 об.], но этого было явно недостаточно для коренного изменения жизни бедноты. Вместе с тем в Хорезме уже проводились выборы в новые органы власти, активисты контролировали ход текущих реформ, некоторые женщины начали снимать паранджу, а в местном медресе и в мусульманских школах вводился комплекс дисциплин светского характера, включая изучение Советской Конституции [ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 101].

Таким образом, в 1924 году Хорезм находился на переломе. Именно тогда родственники Хивинского хана были выселены из дворца под предлогом продажи имущества, которое они считали своим. Обратим внимание на следующий факт: хан формально (документально) лишился богатств и всей недвижимости еще в 1920 году, однако в 1924 году акт о национа-

лизации пришлось продублировать, приняв отдельное решение о дворцовом комплексе Таш-Хаули [Собрание..., 2022, с. 51]. Соответственно, до 1924 года дворец и его содержимое воспринимались всеми, включая хивинских революционеров, как владение семьи хана.

С окончанием Хивинской революции эти представления начали меняться. В хорезмском обществе через систему образования и пропаганды распространялись установки «ханский гнет» и «ханский деспотизм» [ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, лл. 100—101]; шел процесс атеизации общества. Результат идеологического воздействия отражен в «Письме счастливого узбекского народа вождю народов Великому Иосифу Виссарионовичу Сталину» в 1939 году, где есть выражение «Хивинский хан-бандит» [Письмо..., 1939, с. 10]. Процесс изменений сопровождался не только внедрением в общественное сознание «антиханской» идеологии, но и созданием новой правовой системы.

3.2. Путь последнего хана Хорезма в ссылку

В начале 1920-х годов советская политика по борьбе с титулованной элитой формировалась на основе принципов «революционной целесообразности» и «революционной законности» [Сушко, 2018], поэтому изгнание Хивинского хана с семьей вполне вписывалось в действовавшие политические и правовые представления. В период между отречением хана от престола и его изгнанием на высшем уровне СССР шла разработка нормативной базы для таких «социально опасных элементов». В марте 1920 года вышло Постановление «О революционных трибуналах», в апреле 1920 года — Приказ ВЧК, где были перечислены «опасные» социальные группы, в число которых включена и титулованная знать. В июле 1920 года эти нормы были применены к Хивинскому хану и части его семьи, отразив не только идеологическую окраску законодательства, но и его несовершенство. Один из пробелов — это размытость представлений о ссылке и высылке [Пинкин, 2002, с. 46]. С юридической точки зрения изгнание Хивинского хана из Хорезма являлось высылкой, но на практике в 1920—1922 годы хивинцы были подвергнуты ссылке и лишению свободы, пройдя через несколько концлагерей.

Процесс Хорезмской чрезвычайной комиссии (ЧК) над ханом начался после 11 июля 1920 года, когда местные служители культа организовали акцию за восстановление престола. Чекисты обычно не затягивали разбирательство дел, поэтому прибытие Сайида Абдуллы Кунграта с семьей в Россию можно отнести к концу лета — ранней осени 1920 года. Из Хивы до Ташкента они были отправлены с использованием водного пути, а из Ташкента — по железной дороге: в тот период действовали ветки «Ташкент — Оренбург» и «Оренбург — Самара» [Горюнов, 2009, с. 38].

В России ссыльные находились около полутора лет, до февраля 1922 года. Путь хана с семьей восстанавливался по нескольким источникам. Воспоминания его племянника, уже престарелого Абдурасула Мадиярова, записанные через 60 лет после произошедших событий, касаются эпизодов, проведенных в заключении, под охраной: высланные 2 дня находились в Ташкенте, 3 недели — под стражей в Самаре, 2 недели в Ордынском лагере в Москве (хотя он считался женским), после этого — 10 месяцев в Андрайковском лагере (вероятно, имеется ввиду Андроньевский концентрационный трудовой лагерь) и 2 месяца в Ивановском концлагере [Ханы...]. Подсчет показывает, что общий срок заключения составил около 13 месяцев, и в этом случае, за вычетом пути, выпадает около 3—4 месяцев истории ссылки. Полевые материалы авторов показали, что перед отправкой в концлагерь хан с семьей «недостающее» время провел в сибирской ссылке [ПМА, 2024].

3.3. Периодизация ссылки Хивинского хана и этапы формирования политики советского государства в борьбе с титулованной знатью

В 1920 году советское законодательство только формировалось, и большевики применяли некоторые нормы дореволюционного права; в результате был восстановлен институт сибирской ссылки. Согласно исследованию В. И. Пинкина, в Сибирь ссыльные начали поступать именно в 1920 году [Пинкин, с. 89], — как раз в это время из Ташкента в Россию были отправлены хивинцы. Их нахождение в Сибири вписывалось не только в советскую, но и в дореволюционную практику ссылки, и совпадение проявилось по нескольким признакам.

Прежде всего, это внесудебный характер репрессии. Решение о высылке Хивинского хана исходило от Хорезмской чрезвычайной комиссии, а в 1920 году ссыльные попадали в Сибирь именно по решению Чрезвычайных или Специальных комиссий [Пинкин, с. 88]. В царской России административная ссылка в Сибирь также носила внесудебный характер и назначалась исполнительными органами. Они отправляли «неблагонадежных лиц» в Тобольск, откуда ссыльные распределялись по всей Сибири. Например, в 1906 году Варшавским генерал-губернатором был сослан «в отдаленные уезды Тобольской губернии» В. Я. Суходольский, а конкретное место в виде «отдаленного» Березовского уезда определил лично Тобольский губернатор [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 47]. Никто из сосланных не мог миновать Тобольскую губернию, которая являлась «воротами» в сибирскую ссылку.

В 1920 году эту роль исполняла Тюмень, а губерния была переименована в Тюменскую. Партии ссыльных формировались в Самарской пересыльной тюрьме и отправлялись до Тюмени на поезде: хивинцы как раз

провели в Самаре «под стражей» три недели — это обычный срок для формирования партии. «Под стражей» может означать не тюрьму, а размещение в отдельном доме, как это было сделано в отношении Романовых в Тобольске и Екатеринбурге. В Сибири в полномочия Тюменской Губчека входила высылка и пересылка «социально-опасных лиц» [Фирсов, 2015].

Таким образом, внесудебный механизм сибирской ссылки был схож с дореволюционным, но отличался видом исполнительных органов. Летом 1920 года ситуацию осложнил кризис в кадровом составе Тюменской Губчека: в июне прошла ее полная реорганизация, в результате чего из-за отсутствия должного рвения к работе арестовали или уволили почти половину сотрудников. Для исправления недостатков был назначен новый начальник П. И. Студитов: имея орудие политической репрессии, он проявлял беспощадность даже по отношению к своему штату [Фирсов, 2015]. В полномочия ЧК, кроме других функций, входило пополнение концлагерей: например, в 1921 году более 44 % заключенных были направлены туда именно чекистами [Пинкин, с. 89]. Все это сопровождалось политическими акциями «Мир хижинам — война дворцам», и в разгар описанных событий в Сибирь прибыл Хивинский хан с семьей — коронованные особы и классовые враги. Сочетание этих обстоятельств объясняет, почему изгнанники больше года провели в концлагерях.

6 февраля 1922 года органы Губчека были ликвидированы с учреждением Государственного политического управления (ГПУ), а 12 февраля хивинцев освободили, и они отправились на Украину [Ханы...]. Таким образом, ГПУ исправило «ошибку» ЧК, допущенную в отношении бывшего Хивинского хана и его семьи. Право выбора (Украина) им предоставил сотрудник ГПУ, посоветовав ехать именно туда. Климат там сравним с Узбекистаном, а вскоре на Украину для выращивания хлопка началось переселение других уроженцев Средней Азии [Как ссыльные...], и у бывшего хана появился шанс общаться с соотечественниками. В целом с ликвидацией органов ЧК в рассмотренной истории впервые проявился признак «высылки», при которой репрессированный сам определяет место жительства в рамках регионов, разрешенных законом.

Срок наказания для Хивинского хана был изначально сформулирован неопределенно: «от 3 до 5 лет». Летом 1922 года вступили в действие Уголовный Кодекс РСФСР, а также Декрет «Об административной высылке», снизившие максимальный срок с 5 до 3 лет. У изгнанников появился шанс вскоре вернуться на родину, так как 3 года высылки истекали, тем более в России уже существовала обратная сила закона. Между тем принятые нормативные акты не отразились на судьбе Сайида Абдуллы-хана и других высланных хивинцев.

Назначение неопределенных сроков также напоминает дореволюционную практику: в одном из личных дел ссыльных, находившихся в Тобольской губернии в 1905—1910 годах, содержится формулировка: «...на время военного положения в Присвиленском крае» [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 47, лл. 7—8], а в остальных делах (там встречались и дворянские звания) фигурируют именно 3—5 лет ссылки, преимущественно в арктическую зону [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 31, 32, 35, 36, 59, 80 и др.].

В дореволюционный период для усмирения непокорных представителей титулованной знати, особенно проживающих в южных регионах империи, государственная власть широко использовала природно-климатические особенности Сибири: холод, полярные ночи, недостаток солнца, наличие множества кровососущих насекомых и проч. В начале XIX века эта судьба постигла «Астраханского хана Ахмета» и трех его приближенных в лице «Шафара, Давгара и Магомет бека» (так обозначено в архивном документе, оформленном в Тобольске, где чиновники фиксировали принадлежность к элите согласно сопроводительным документам, не вникая в тонкости титулов и должностей) [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 528, л. 25]. По Западной Сибири, в том числе по Северу, были распределены и «33 грузинских царевича» — участники Кахетинского восстания [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 671, л. 5—7]. В конце XIX — начале XX веков эту же практику применили к участникам Андижанского восстания 1898 года [Науменко и др., 2024, с. 450]. Сосланные на каторгу бессрочно или на длительные сроки, выжившие андижанцы смогли покинуть Сибирь еще при царском правительстве [Авазов, 2014]. Подчеркнем, что обычные преступники уже никогда не возвращались домой: уголовная ссылка была бессрочной, а каторга заканчивалась переводом на «вечное» поселение в Сибири.

В июле 1925 года Сайид Абдулла-хан обратился в органы управления Украинской ССР за разрешением вернуться в Хиву. Он имел два основания: во-первых, в Хорезме бедствует выселенная из дворца его семья, а дети попрошайничают; во-вторых, в июле 1925 года закончился срок ссылки в 5 лет, а значит, формально изгнанники имели право вернуться на родину. На Украине представитель органов госбезопасности приложил к прошению хана записку: «...если не будет препятствий, то принять все меры по делу удовлетворения их просьбы» [Гусейнов, 2021; Ханы...]. Такое ходатайство в очередной раз отразило «человеческий фактор»: далеко не все сотрудники ГПУ были ориентированы на репрессивную политику в отношении «социально-опасных элементов». Кроме этого, для работы в советских органах управления в тот период было сложно набрать компе-

тентных сотрудников, и приходилось принимать служащих досоветского периода. В Тюменской губернии, например, в начале 1920-х годов они составляли 26 % состава, а среди членов военно-революционного комитета был даже дворянин [Хажеева и др., 2012, с. 42, 43]. Такие служащие помнили практику решения вопросов при царском правительстве.

В качестве примера можно привести историю за 1906 год, когда в Иркутскую губернию на 3 года был сослан житель Тобольска Шакир Абдул-Бакиев Шарыпов, но в назначенное место он так и не попал. Находясь в пути, Шакир отправил Тобольскому губернатору прошение о разрешении вернуться домой на месяц, так как «жена бедствует», а вернувшись, написал второе прошение, чтобы отбывать ссылку по месту жительства прямо в Тобольске. Обе просьбы были удовлетворены [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 59]. Административно-ссылных нередко возвращали и в другие регионы империи, поэтому прошения были нормой. Конечно, не по каждой просьбе выносилось положительное решение. Характерен пример, когда Тобольский губернатор отказал ссыльному в досрочном возвращении из Сибири, так как проситель не обосновал причину, но разрешил ему покупку оружия для «прокорма»: «Препятствий приобрести охотничьи ружья не встречается, разрешить» [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 31, лл. 13—14].

Для вынесения окончательного решения о возвращении Сайида Абдуллы-хана с семьей на родину материалы, с приложением пакета документов и ходатайства, с Украины были отправлены в Москву, и в итоге хан получил отказ из-за опасения, что в Хорезме с его приездом могут начаться народные волнения [Ханы...]. Действительно, в Хивинском районе в 1924—1925 годах наблюдался размах басмачества [ГАХО, ф. 194. оп. 1, д. 83, л. 2], и бывший правитель по-прежнему оставался «социально опасным элементом». Однако менее чем через 10 лет, уже после смерти хана и победы над басмачеством, изгнанным хивинцам разрешили вернуться с Украины в Узбекистан, при этом никто из них не был репрессирован в эпоху «Большого террора».

В целом нахождение Сайида Абдуллы-хана с семьей на Украине в 1920-е годы, несмотря на все сложности и беды, оказалось не самым страшным вариантом, возможным в тех революционно-политических условиях. В качестве альтернативы к ним могла быть применена административная ссылка на Обский Север, в арктический Обдорск (современный Салехард). Данная мера все чаще избиралась и была ориентирована на уничтожение поступавших туда лиц. В Обдорской ссылке находились представители известных фамилий: Витте, Тройницкий, князь Ширинский-Шихматов и др. [Бортникова, 1997]. Если на Украине хивинцы имели возможность рабо-

тать, то на Обском Севере с 1926 года ссылкой это запретили, всех уволили, а пособие не выплачивали. Нарушение запрета влекло увеличение срока наказания [Науменко и др., 2023, с. 445]. Система ждала открытия лагерей ГУЛАГа, и судьбы многих, в том числе — представителей титулованной знати, попавших в 1920-е годы на Обский Север, остались неизвестными.

4. Заключение = Conclusions

История ссылки Хивинского хана в первой половине 1920-х годов включает три этапа, которые отразили особенности формирования революционного законодательства и политики советской власти в разной культурной среде.

Первый этап связан с нахождением свергнутого Хивинского хана на территории Хорезма. Традиционность местного мусульманского общества, для которого ханский престол рассматривался как важный элемент в системе сложившихся мировоззренческих представлений, некоторое время создавала защиту его жизни и — частично — даже собственности. Однако, как только хан покинул территорию Хорезма, эта защита исчезла. Представители советской власти в Ташкенте поспешили избавиться от хана и его семьи, переложив ответственность за их судьбу на российские органы госбезопасности.

Второй этап связан с нахождением бывшего Хивинского хана на территории России в 1920 — начале 1922 гг. Репрессивные меры против него принимались в условиях, когда политика советской власти в борьбе с представителями титулованной знати получала законодательную основу: шел процесс обсуждения принципов советского права, начиналась его кодификация, но еще существовало множество правовых пробелов. Этот период в истории ссылки отразил прежде всего идеологические ориентиры того времени, в результате чего хивинские изгнанники вместо ссылки оказались сначала в сибирской ссылке, а потом стали узниками сети концлагерей. Освобождение хана и его семьи из концлагеря произошло на несколько месяцев раньше, чем вступила в действие нормативная база в виде Декрета «Об административной высылке» и Уголовного Кодекса РСФСР 1922 года. Это свидетельствует о том, что служащие советских репрессивных органов пытались соблюдать принципы законности и приводить исполнение судебных приговоров и решений внесудебных органов в соответствие с их содержанием. Подтверждением этому служит предоставление бывшему хану выбора места жительства согласно «высылке» в рамках закона.

Третий этап связан с нахождением Сайида Абдуллы-хана с семьей на Украине с весны 1922 года. Условия проживания там соответствовали ста-

тусу высланных и попытке их «пролетаризации», учитывая рабочие должности в виде сторожа и конюха, нищету и лишения. Поддержка сотрудником госбезопасности прошения хана о возврате в Хиву свидетельствует, что в кадровом составе были служащие, которые считали важным соблюдение принципов справедливости. Однако ответственность за вынесение решения все же была возложена на вышестоящие инстанции, хотя это не являлось обязательной стадией рассмотрения просьбы. В этой истории прослеживается переходный характер советской репрессивной системы, так как с наступлением «Большого террора» поддержка «социально-опасных элементов» стала опасной и для самих сотрудников.

Изгнанникам разрешили вернуться в Узбекистан в 1933—1934 годах, когда шел процесс создания НКВД вместо ОГПУ. Таким образом, участь репрессированных хивинцев не осложнялась, а, наоборот, облегчалась на каждом этапе крупного реформирования органов госбезопасности (ВЧК — ОГПУ — НКВД). В целом история ссылки Хивинского хана отразила не просто этапы формирования политики советского государства в борьбе с титулованной знатью, но также сложность, разнонаправленность и неоднозначность этого процесса.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. БГУТО ГАТО в г. Тобольске — *Государственный архив Тюменской области* в г. Тобольске.
2. В *Узбекистане* вышла книга украинского писателя азербайджанского происхождения про судьбу Хивинской династии. Новостной канал [Электронный ресурс]. — 18 октября. — 2021. — Режим доступа : <https://www.trend.az/life/culture/3499936.html> (дата обращения 29.01.2025).
3. ГАХО — *Государственный архив Хорезмской области*.
4. *Гусейнов Г. Д.* Ветер с Востока / Г. Д. Гусейнов. — Ташкент : O'ZBEKISTON. 2021. — 384 с.
5. *Декрет* ВЦИК «Об административной высылке». 10 августа 1922 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/78134#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения 26.01.2025).
6. *Как ссыльные уроженцы Средней Азии на Украине хлопок выращивали.* Islam-News : Информационное агентство России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://islamnews.ru/2023/6/21/kak-ssylnye-urozhentsy-sredney-azii-na-ukraine-khlopok-vyrashchivali> (дата обращения 29.01.2025).
7. *Письмо* счастливого узбекского народа вождю народов Великому Иосифу Виссарионовичу Сталину : к открытию XVIII съезда ВКП(б). — Ташкент : Узгиз, 1939. — 32 с.

8. ПМА — *Полевые материалы* автора, 2024. Информатор — Садуллаев Санжар 2000 г.р., гид-экскурсовод государственного Музея-Заповедника ЮНЕСКО «Ичан-Кала» в Хиве.

9. *Положение* «О революционных трибуналах» от 18 марта 1920 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://diletant.media/articles/39639377/> (дата обращения 26.01.2025).

10. *Собрание* государственного Музея-Заповедника «Ичан-Кала». — Toshkent : SILK ROAD MEDIA, 2022. — 416 с.

11. *Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения 26.01.2025).

12. *Ханы на Криворожье* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://royalhouseofsiberia.org/хивинские/> (дата обращения 26.01.2025).

Литература

1. *Алимова Ю.* Государственные должности в Хивинском ханстве (на основе произведений русских авторов XVIII — XIX вв.) / Ю. Алимова, М. Сардарова // *Цифровая наука*. — 2021. — № 4-2. — С. 59—63.

2. *Бортникова О. Н.* Политические ссыльные на Обском Севере / О. Н. Бортникова // *Музей : вчера. Сегодня, завтра: Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея*. — Салехард : [б. и.], 1997. — С. 13—15.

3. *Будкин В.* Государства Центральной Азии : дилеммы власти / В. Будкин // *Центральная Азия и Кавказ*. — 2006. — № 5 (47). — С. 115—130.

4. *Биошкина Н. И.* Уголовное законодательство Советских Социалистических республик в 1920-х гг. : сравнительно-правовой анализ / Н. И. Биошкина // *Вестник Нижегородского университета*. — 2021. — № 6. — С. 70—81. — DOI 10.52452/19931778_2021_6_70.

5. *Гордиенко А. А.* Создание народно-советского государства и права и их революционно-преобразующая роль в Хорезме и Бухаре / А. А. Гордиенко. — Ташкент : Издательство САГУ, 1959. — 197 с.

6. *Горюнов А. Ю.* Транспортные потоки на Ташкентской и Самаро-Златоустовской железных дорогах в начале XX века / А. Ю. Горюнов // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2009. — № 16 (154). — Выпуск 32. — С. 38—43.

7. *Дорская А. А.* Проблема разрывов и преемственности в развитии российского права (на примере ссылки на поселение в Сибирь) / А. А. Дорская, А. Ю. Дорский // *Вестник МГПУ*. — 2022. — № 4 (48). — С. 22—31. — DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.02.

8. *Жалменова О. П.* Религия и политика в деятельности хивинских джадидов — младохивинцев : (историографический ракурс) / О. П. Жалменова // *Гуманитарные исследования Центральной России*. — 2019. — № 1 (10). — 2019. — С. 62—70.

9. *Коняхин В. П.* Эволюция института действия Уголовного закона в пространстве : дореволюционный, советский и постсоветский периоды / В. В. Коняхин, А. К. Князькина // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. — 2020. — № 1. — С. 30—35.

10. *Мухамедбердыев К. Б.* История Хорезмской революции / К. Б. Мухамедбердыев. — Ташкент : Фан, 1986. — 231 с.

11. *Науменко О. Н.* Трудовая деятельность осужденных в условиях гуманизации тюремного заключения в конце XVIII — начале XXI веков (на материалах Западной

Сибири) / О. Н. Науменко, М. Ш. Альмухаметова, М. Г. Пинигин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 436—453. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453.

12. Науменко О. Н. Адаптация шариата к российскому уголовному праву у населения Западного Туркестана и сибирских бухарцев в конце XVIII — начале XX веков / О. Н. Науменко, У. И. Абдуллаев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 437—455. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-437-455.

13. Непесов Г. Из истории Хорезмской революции 1920—1924 гг. / Г. Непесов. — Ташкент : Госиздат УзССР, 1962. — 364 с.

14. Новицкая Т. Е. Преюмственность в регулировании гражданско-правовых отношений в российском дореволюционном и советском законодательстве / Т. Е. Новицкая // Труды института государства и права Российской академии наук. — 2017. — Т. 12. — № 5. — С. 37—62.

15. Пинкин В. И. Ссылка и высылка в Сибирь в 1920-е годы : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. И. Пинкин. — Новосибирск, 2002. — 274 с.

16. Погорельский И. В. История Хивинской революции и Хорезмской Народной Советской Республики (1920—1924 гг.) / И. В. Погорельский. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. — 228 с.

17. Рыбаков В. А. Революционная законность : теоретический аспект / В. А. Рыбаков // Право и государство : теория и практика. — 2017. — № 12 (156). — С. 58—52.

18. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России / А. С. Смыкалин. — Екатеринбург : УрГЮА, 1997. — 364 с.

19. Сушко А. В. От «революционной законности» к «революционной целесообразности» : эволюция взаимоотношений органов ГПУ — ОГПУ и прокуратуры в годы новой экономической политики (на примере Омского Прииртышья) / А. В. Сушко // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8. — № 1. — С. 70—81. — DOI:10.21638/11701/spbu24.2018.105.

20. Фирсов И. Ф. Организационная и кадровая структура Тюменской ЧК / И. Ф. Фирсов // Академический вестник. — 2015. — № 1 (31). — С. 61—70.

21. Хажеева И. В. Советские управленцы Тюменской (Тобольской) губернии в 1919 — начале 1920-х годов / И. В. Хажеева, Н. В. Кудрявцев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 25 (279). — С. 42—49.

22. Штомпка П. Социология социальных изменений [Пер. с англ.] / П. Штомпка. — Москва : Аспект-пресс, 1996. — 414 с.

23. Авазов Э. А. Анжиян көтөрүлүшүнүн Кетмен-Төбө очогу: Токтогул жана Шадыбекчилер / Э. А. Авазов // Тоо булбулу Токтогул. Илимий макалалар топтому Тарых жана мурас түрмөгү. — Бишкек : [б. и.], 2014. — С. 51—56.

24. Ҳамдамов Х. Хива хонлигининг ағдарилиши ва Хоразм Совет Халқ Республикасининг тузилиши / Х. Ҳамдамов. — Тошкент : Ўздавнашр, 1960. — 192 б.

25. Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia : Bukhara and Khiva (1865—1924) / S. Becker. — Cambridge : [b. i.], 1968. — 416 p.

26. Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia / A. Haugen. — London : PALGRAVE MACMILLAN, 2003. — 276 p.

27. Khalid A. Making Uzbekistan : nation, empire, and revolution in the early USSR / A. Khalid. — New York : Cornell University Press, 2015. — 402 p.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025,
одобрена после рецензирования 02.05.2025,
подготовлена к публикации 21.06.2025.

Material resources

- BGUTO GATO in Tobolsk — *The State Archive of the Tyumen region in Tobolsk*. (In Russ.). *Collection of the Ichan-Kala State Museum-Reserve*. (2022). Tashkent: SILK ROAD MEDIA. 416 p. (In Russ.).
- Criminal Code of the RSFSR of 1922*. Available at https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (accessed 26.01.2025). (In Russ.).
- Decree of the Central Executive Committee “On administrative expulsion”. August 10, 1922*. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/78134#mode/inspect/page/1/zoom/4> (accessed 26.01.2025). (In Russ.).
- GAKhO — *The State Archive of the Khorezm region*. (In Russ.).
- How the exiled natives of Central Asia grew cotton in Ukraine*. *IslamNews: Russian News Agency*. Available at: <https://islamnews.ru/2023/6/21/kak-ssylnye-urozhentsy-sredney-azii-na-ukraine-khlpok-vyrashchivali> (accessed 29.01.2025). (In Russ.).
- Huseynov, G. D. (2021). *The wind from the East*. Tashkent: O'ZBEKISTON. 384 p. (In Russ.).
- Khans on Krivoy Rog*. Available at <https://royalhouseofsiberia.org/хивинские/> (accessed 26.01.2025).
- Letter of the happy Uzbek people to the leader of the peoples, the Great Joseph Vissarionovich Stalin: for the opening of the XVIII Congress of the CPSU(b)*. (1939). Tashkent: Uzgiz. 32 p. (In Russ.).
- PMA — *Field materials of the author, 2024. The informant is Sadullaev Sanzhar, born in 2000, a tour guide at the UNESCO Ichan-Kala State Museum-Reserve in Khiva*. (In Russ.).
- The Regulation “On Revolutionary Tribunals” dated March 18, 1920*. Available at <https://diletant.media/articles/39639377/> (accessed 26.01.2025). (In Russ.).
- Uzbekistan has published a book by a Ukrainian writer of Azerbaijani origin about the fate of the Khiva dynasty*. *News channel*. (2021). Available at: <https://www.trend.az/life/culture/3499936.html> (accessed 29.01.2025). (In Russ.).

References

- Adam, H. (1960). *Khiva honligining agdarilishi va Khorazm Soviet Khalq Republikasining tuzilishi*. Toshkent: Uzdavnashr. 192 b. (In Uzbek.).
- Alimova, Y. (2021). Public positions in the Khiva Khanate (based on the works of Russian authors of the XVIII — XIX centuries). *Digital Science*, 4—2: 59—63. (In Russ.).
- Avazov, E. A. (2014). Anzhiyan katorulushunun Ketmen-Tobo ochogu: Toktogul zhana Shadybekchiler. In: *Bulbulu Toktogul Llp. Ilimiy makalalar toptom Tarykh zhana muras turmogu*. Bishkek: [b. i.]. 51—56. (In Uzbek.).
- Becker, S. (1968). *Russia's Protectoras in Central Asia: Bukhara and Khiva (1865—1924)*. Cambridge: [b. i.]. 416 p.
- Biyushkina, N. I. (2021). Criminal legislation of the Soviet Socialist Republics in the 1920s: a comparative legal analysis. *Bulletin of Nizhny Novgorod University*, 6: 70—81. DOI 10.52452/19931778_2021_6_70. (In Russ.).
- Bortnikova, O. N. (1997). Political exiles in the Ob North. In: *Museum: yesterday. Today, tomorrow: Proceedings of the scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the Yamalo-Nenets Regional Museum of Local Lore*. Salekhard: [b. i.]. 13—15. (In Russ.).
- Budkin, V. (2006). The States of Central Asia: dilemmas of power. *Central Asia and the Caucasus*, 5 (47): 115—130. (In Russ.).

- Dorskaya, A. A., Dorsky, A. Y. (2022). The problem of gaps and continuity in the development of Russian law (on the example of a reference to a settlement in Siberia). *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University*, 4 (48): 22—31. DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.02. (In Russ.).
- Firsov, I. F. (2015). Organizational and personnel structure of the Tyumen Cheka. *Academic Bulletin*, 1 (31): 61—70. (In Russ.).
- Gordienko, A. A. (1959). *Creation of the People's Soviet state and law and their revolutionary and transformative role in Khorezm and Bukhara*. Tashkent: SAGU Publishing House. 197 p. (In Russ.).
- Goryunov, A. Y. (2009). Transport flows on the Tashkent and Samara-Zlatoust railways at the beginning of the 20th century. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 16 (154) / 32: 38—43. (In Russ.).
- Haugen, A. (2003). *The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia*. London: PALGRAVE MACMILLAN. 276 p.
- Khalid, A. (2015). *Making Uzbekistan: nation, empire, and revolution in the early USSR*. New York: Cornell University Press. 402 p.
- Khazheeva, I. V., Kudryavtsev, N. V. (2012). Soviet managers of the Tyumen (Tobolsk) province in the 1919s — early 1920s. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 25 (279): 42—49. (In Russ.).
- Konyakhin, V. P., Knyazkina, A. K. (2020). Evolution of the institution of Criminal law in space: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. *Law Bulletin of the Kuban State University*, 1: 30—35. (In Russ.).
- Mukhamedberdiyev, K. B. (1986). *The history of the Khorezm Revolution*. Tashkent: Fan Publ. 231 p. (In Russ.).
- Naumenko, O. N., Abdullaev, U. I. (2024). Adaptation of Sharia Law to Russian Criminal Law by Population of Western Turkestan and Siberian Bukharans in Late 18th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 437—455. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-437-455>. (In Russ.).
- Naumenko, O. N., Almukhametova, M. Sh., Pinigin, M. G. (2023). Labor Activity of Convicts in Conditions of Humanization of Imprisonment in Late 18th — Early 21st Centuries (Western Siberia). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 436—453. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453>. (In Russ.).
- Nepesov, G. (1962). *From the history of the Khorezm Revolution of 1920—1924*. Tashkent: Gosizdat UzSSR. 364 p. (In Russ.).
- Novitskaya, T. E. (2017). Continuity in the regulation of civil law relations in Russian pre-revolutionary and Soviet legislation. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 12 (5): 37—62. (In Russ.).
- Pinkin, V. I. (2002). *Exile and exile to Siberia in the 1920s*. PhD Diss. Novosibirsk. 274 p. (In Russ.).
- Pogorelsky, I. V. (1984). *The history of the Khiva Revolution and the Khorezm People's Soviet Republic (1920—1924)*. Leningrad: LSU Publishing House. 228 p. (In Russ.).
- Rybakov, V. A. (2017). Revolutionary legality: a theoretical aspect. *Law and the state: theory and practice*, 12 (156): 58—52. (In Russ.).
- Shtompka, P. (1996). *The sociology of social change*. Moscow: Aspect Press. 414 p. (In Russ.).
- Smykalin, A. S. (1997). *Colonies and prisons in Soviet Russia*. Yekaterinburg: UrGUA Publ. 364 p. (In Russ.).

Sushko, A. V. (2018). From “revolutionary legality” to “revolutionary expediency”: the evolution of the relationship between the GPU-OGPU bodies and the prosecutor’s office during the years of the new economic policy (on the example of the Omsk Irtysh region). *The modern history of Russia*, 8 (1): 70—81. DOI.10.21638/11701/spbu24.2018.105. (In Russ.).

Zhalmenova, O. P. (2019). Religion and politics in the activities of the Khiva Jadids — Young Khivians: (historiographical perspective). *Humanitarian studies of Central Russia*, 1 (10): 62—70. (In Russ.).

*The article was submitted 30.01.2025;
approved after reviewing 02.05.2025;
accepted for publication 21.06.2025.*